

Вера Викторовна Камша

День Страха

Рассказы –

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

«Камша В. В. Кесари и боги. Избранные произведения»: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-25278-7

Аннотация

Рассказ о воробьях и драконах, о гибели последнего дракона и о том, что страх убивает.

Вера КАМША ДЕНЬ СТРАХА

Юрию Нерсесову

1

Молоденький воробьишка неуклюже хлопнулся на позеленевшую горгулью и этим подписал себе приговор. Сидевшая на уродливой каменной морде пичуга была отличной мишенью, и Пишта¹ Шукан не преминул пустить в ход новую рогатку. Выстрел оказался точным, жалкий комочек перьев, слабо трепыхаясь, свалился вниз, но меткому стрелку не удалось насладиться удачей. Балаж Шукан, потерявший левую руку в бурасской битве и назначенный тогда совсем молодым герцогом Балинтом пожизненным капитаном Рисского замка, догадался, где болтается его отпрыск, и не поленился полезть за ним на крышу. Ухваченный за ухо Пишта выронил свое оружие и угрюмо последовал за родителем в подвал, где уже собралось почти все население замка.

Стоящий у обитой железом дверцы Балинт Риссаи хмуро оглядел вошедших, но ничего не сказал. Пишта никогда еще не видел господина так близко. Младший брат погибшего в битве с заманскими ордами короля Лукача, дядя и соправитель молодого Бэлы Третьего, Балинт редко бывал в своих землях, но День Страха – это День Страха. Господин проводит его со своими людьми. Пишта был на своей любимой крыше, когда герцог и его старший сын осадили коней у ворот замка, после чего на остроконечной колокольне ударил набат, оповещающий о грядущей беде.

В День Страха люди загоняют скотину в укрытия, не оставляя под открытым небом даже куренка. Говорят, дикие твари прячутся сами, чуя, что над ними вот-вот пройдет Он. Жизнь замирает: не щебечут птицы, не греются на солнышке ленивые коты, не жужжат пчелы, только растения, которым предначертано умирать там, где родились, видят, как над ними медленно проплывает Древний, продолжая свои длящиеся века поиски. Любая тварь, на которую упадет взгляд Древнего, будет принадлежать ему. Так говорят предания, а так ли это на самом деле, никто не проверял.

Пишта в Древнего и верил, и не верил. Если, проснувшись ночью, мальчишка вспоминал о неотвратимом взгляде, он укрывался с головой, воображая, что Древний рядом и только и ждет, чтобы он, Пишта Шукан, выбрался из-под спасительного одеяла. Днем ночные страхи казались глупыми. В самом деле, зачем Ему мухи или жабы? Отчего Он

¹ Пишта – уменьшительное от Иштван.

появляется лишь на вершине лета, почему не вредит деревьям и кто может о Нем знать, если Его никто не видел?

Последний День Страха случился без малого три сотни лет назад, если вообще случился, а может, все это и вовсе выдумки? Правду сказать, Пишта утром на крышу полез отнюдь не за воробьями. Ему хотелось утереть нос всем замковым мальчишкам, а заодно посмотреть на Древнего, если тот и в самом деле пролетит над Риссой. Шукан-младший был уверен, что Древний его не заметит. Так оно, скорее всего, и было, но вот от отца спрятаться не удалось, и теперь придется сидеть в душном подвале и слушать, как молится монах Янош. Хорошо хоть, герцога можно как следует разглядеть. Если б они не запоздали, пришлось бы торчать в дальнем погребе. Там, конечно, поудобнее, зато совсем скучно. Юный Шукан втихаря принялся рассматривать Балинта, про отвагу и удаль которого при жизни слагали песни. Полководец почувствовал на себе взгляд и поманил Пишту к себе.

– Твой сын, Шуканэ?

– Да, сударь.

– Сколько ему?

– Десять. Разбойник, каких мало, потому мы и подзадержались.

– На крышу полез? – участливо спросил Балинт.

Пишта залился краской и кивнул головой.

– Правильно, – неожиданно одобрил герцог. – Если б мне в День Страха было десять лет, я бы тоже полез поглазеть на Древнего. Имре, – Риссаи обернулся к вошедшему темноволосому юноше лет пятнадцати, – что там?

– Я объехал вокруг замка и обошел дворы. Все в порядке, но Он приближается. Это точно.

– Вот как? – Сильная рука сжала плечо Пишты. – Ну, воин, пошли, поглядим вместе.

– Отец, – восторженно воскликнул Имре, – я с тобой.

– Разумеется. – Герцог глянул на Шукана. – Мы сейчас вернемся. Никого не выпускай. Слышишь? Времени должно хватить, но мало ли...

Капитан замка подал знак пятерым алебардщикам и встал у прохода, хотя никто из спустившихся в подвалы не выказывал ни малейшего желания выйти наружу. Когда Пишта услышал, как сын герцога произнес «Он приближается», ему тоже захотелось забиться куда-нибудь в уголок, но Риссаи держал крепко. Втроем они поднялись по крутым серым ступенькам и вышли на залитый солнцем двор. Такого Пишта Шукан еще не видел и не хотел видеть. Одно дело – слушать, как в День Страха все живое и способное двигаться прячется и разбегается, и совсем другое – оказаться на словно бы вымершем дворе.

Было очень тихо, очень душно и очень страшно. Могучие каштаны, веками сторожащие замок, невозмутимо вздымали к небу зеленые кроны, но Пишта готов был поклясться, что им страшно так же, как и закрывшимся, словно перед дождем, одуванчикам и съезжившимся борщевикам, обычно нагло раскидывавшим мясистые листья. Небо было мертвым – ни облачка, ни птицы, ни хотя бы бабочки или мухи. Пишта глянул под ноги – здесь, неподалеку проходила муравьиная тропа, но насекомые исчезли. Сказка оказалась правдой – все, что могло спрятаться, спряталось.

– Я не думал, что это правда. – Герцог словно подслушал его мысли. – Даже когда стали прибывать гонцы, а алийский шар начал светиться...

Про алийский шар Пишта слышал от отца. Странная вещь, присланная заманским султаном одному из древних королей в обмен на право похоронить убитого в битве брата. Обычно молочно-белый и холодный, шар этот по мере приближения Дня Страха наливался тревожным багровым светом, становясь сначала теплым, а потом горячим. Кто и когда создал эту вещь, не знал никто...

– Стой тут. – Балинт выпустил плечо Пишты, и мальчик вздрогнул, словно пробуждаясь от сна. – Если что, беги вниз и вели отцу закрыть двери. На нас не оглядывайся.

С бешено колотящимся сердцем сын капитана следил, как великий Риссаи, широко шагая, вышел на середину двора и встал, обернувшись лицом на восток, откуда, как

рассказывали, и приходил Древний. Пишта на всю жизнь запомнил страшную, давящую тишину, недвижные кроны каштанов и высокого темноволосого человека, облитого безжалостным солнечным светом. Балинт стоял, положив руку на рукоять своего знаменитого меча, и вглядывался в слепящую даль. Сердце мальчика защемило, и он, нарушив приказ, бросился к герцогу и стал рядом, лишь на мгновение отстав от Имре. Так для Иштвана Шукана началась служба длиной в жизнь.

Небо на востоке порозовело, словно там собралось взойти еще одно солнце, в лицо пахнуло жаром. Трое во дворе Рисского замка стояли и ждали, сами не зная чего. Горячий ветер крепчал, разбуженные деревья закачались и зашумели глухо и грозно, воздух наполнился мелкой, скрипящей на зубах пылью.

– Теперь пора, – резко сказал герцог, – возвращаемся.

– Отец! – вскинул голову заметно побледневший Имре. – Мне не страшно...

– А мне страшно, – отрезал славящийся своей отвагой на всю Эгрию полководец. – Вниз. И живо!

Пишта не помнил, как они скатились по ступенькам и как он оказался в самом дальнем углу подвала рядом с матерью и сестрами.

2

От Вечности тоже можно устать, и он устал. Те, Кто Был Раньше, видели рождение и расцвет этого мира, а ему достался вечер, холодный, бесконечный вечер. Он хотел одного – покоя, но покой нужно заслужить. Нужно найти живое создание, способное вместить Силу и Знание, открыть ему цену Крови, Власти и Золота, и лишь после этого можно уйти в покой. Как же он устал, раз за разом пролетая древним путем и не находя никого. Их род проклят, они обречены нести свое могущество в одиночестве, не имея права даже на смерть. Их время, время золота и огня миновало, на земле расплодилось жалкие создания – он может убивать их тысячами, но зачем это ему? Он хочет одного. Покоя.

Его предшественники упокоились на горах золота в Ильдаранских пещерах, а он все еще жив. Ничтожные обитатели некогда грозного мира не желают менять свою смешную участь на величие, они бегут от него, а он не может опуститься на землю, не может никого схватить и заставить принять проклятое могущество. Ему дозволено лишь летать раз и навсегда проложенным путем, смотря вниз в безумной надежде отыскать комочек жизни, готовый принять его груз. Каждый раз, поднимаясь над Черными горами, он исполнялся уверенности, что найдет, но смертные твари в ужасе разбегались, а он мчался вперед, пока внизу не вскипали валы Яростного моря. Дальше путь был заказан, и он возвращался в пещеры смотреть сны о навеки ушедшем, чтобы в День Горечи пробудиться и взлететь над скалами, ожидая избавления. И не было никого, кто бы мог ему помочь, но что это?! Что?!

На его призыв ответили. Неужели поиск окончен? Какое смешное создание. Маленькое, жалкое, исполненное гордыни и злобы. Сколько в нем ярости! Разумно ли отдать Силу ему? Но, отринув это существо, он вновь приговорит себя к жизни, а он больше не может! Он так устал, этот мир давно пережил свой расцвет, а что может быть хуже доживания?

Зачем эта суэта под остывающим солнцем? Кому нужны ничтожества, занявшие место гигантов? Если его выбор погубит то, что он сейчас видит, будет ли это злом? Нет, это будет освобождением!

Древний прервал полет, потянувшись к обнаруженному им созданию.

– Ты – мой, ты освободишь меня, а я вознесу тебя! Ты мой и ты ничей... Ты – живое, что не приковано к земле, и ты будешь мной, когда я уйду.

3

Тридцать лет прошло, а все было словно вчера. Здесь он, десятилетний, стоял рядом с

Балинтом Рассай, а Имре, живой, молодой, отважный, уговаривал отца взглянуть в глаза Древнему. Он все-таки сделал это и погиб.

Капитан Иштван Шукан тронул седеющие усы, вздохнул, собираясь с силами, чтобы пройти к королеве. Уж лучше бы проклятый дракон сжег его вместе с Имре, но тот, словно предчувствуя свою судьбу, отправил жену и детей в родовой замок, заставив Шукана поклясться на клинке, что он сохранит семилетнего Дьердя, который еще не знает, что он король. И Маргит не знает.

Про себя Иштван называл королеву именно так. Маргит была младше его, а они с Имре, хотя тот был королем, а Иштван Шукан – всего лишь одним из его капитанов, почти что братьями, и сроднил их День Страха. Шукан невольно усмехнулся, вспоминая, как подбил воробья, сидевшего на горгулье, а отец нашел сорванца и утащил с крыши. Вчера Дьердь уговорил сделать ему рогатку, хотя Маргит это не понравилось, она вообще уродилась жалостливой. Когда Имре бросил к ногам невесты убитую серну, девушка проплакала целый вечер. Узнав об этом, король отказался от охоты, хотя не мешает своим витезям сколько душе угодно гонять вепрей и оленей в королевских лесах.

Не мешает? Не мешал... Теперь им всем придется жить без Имре, хоть это и кажется невозможным. Что ж, люди привыкают ко всему. Он не думал, что сможет обходиться без отца, герцога Балинта, Эвицы, но обходится – ест, спит, машет саблей, только что может сабля против крылатого, дышащего огнем ужаса? Гонец, привезший весть о гибели короля, рассказывал, что крылья чудовища застлали солнце. От двенадцатитысячной армии осталось не больше трети, а Древний не был даже ранен. Неужели на него нет управы? Что он вообще такое?

Дни Страха были всегда, но ни заманцы, ни эгры, ни известные своей ученостью урсийцы и харинцы не помнили, чтобы Древний жег деревни и города. Его появление дикие твари чуяли заблаговременно, потом колдуны придумали шары, оповещающие о пробуждении страха. В урочный час Древний поднимался над Ильдаранскими горами и летел в сторону Яростного моря, где и исчезал на сотни лет. Так было раньше, отчего же на этот раз Он начал убивать?

4

Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак мерно взмахивал могучими крыльями, наслаждаясь ощущением собственной мощи. Далеко внизу проплывали леса, поля, синие ленты рек и золотые – дорог, на которые судьба нанизала объятые страхом городки и деревни. Их обитатели в ужасе разбегались, падали на колени, заползали в ненадежные деревянные коробки, которые так красиво горят, но Чичирр был сыт. Великого гнал вперед не голод, а месть и память. Он должен вернуться туда, откуда начался его путь, и отомстить.

Как давно он не был в родных местах, как долго в его душе тлела месть, и вот наконец пламя вырвалось наружу! Он уничтожит самую память об обиталище тех, кто некогда поднял на него руку. Не уйдет никто. Глупцы, они попытались его остановить! Очень-очень много двуногих и четвероногих... Когда-то они и впрямь могли причинить ему зло, когда-то его спасали лишь осторожность и крылья, но эти времена давно миновали. Он изменился, а его враги решили, что он остался прежним.

Как они бежали, как валил их на землю ветер, поднятый крыльями великого Чичирра, как их жег выдыхаемый им огонь! Там, на поле между двумя сгоревшими селами, осталось много мяса и много пепла. Великий утолил свой голод, но не настолько, чтоб вернуться в Ильдаран и уснуть. Сначала – месть, потом возвращение и долгий сон среди Тех, Кто Был Раньше, и собранных ими сокровищ. Придет время, и Чичирр-вен-Чиррак принесет в Ильдаранские пещеры свою добычу, но первый полет – полет крови, а не золота.

Две тени Чичирра сопровождали своего повелителя, две тени и стаи ворон, не смевшие приближаться к Великому, но следовавшие за ним от пепелища к пепелищу. Отвратительные, шумные и жестокие твари, он всегда их ненавидел... Когда он был слаб,

они считали его добычей, затем он сжигал их сотнями, но это слишком хлопотно, к тому же они не подлетали достаточно близко. Сегодня у ворон будет много пищи, а потом он вернется и сожжет и их. Не уцелеет ничего! То, что не сгорит, развалится под ударами лап и крыльев, он оставит за собой груды дымящихся развалин и будет свободен от прошлого. Он вернется в Ильдаран и будет спать, пока вновь не наступит его день. Тогда Великий расправит крылья и полетит на закат, а впереди него понесется древний страх.

Так будет, пока он, устав от вечности, не перестанет лить кровь и собирать золото и не начнет поиски преемника, чтобы передать ему Страх и Силу и уйти в Покой, став Тем, Кто Был Раньше. Покой... Сейчас Великий Чичирр не желает Покоя. Это его первый полет, первая победа, первая песнь!

Огневые глаза гиганта впивались в окрестности, узнавая знакомые места. Вот и каштановая роща, в которой он некогда укрывался. Чичирр не стал жечь вековые деревья, когда-то они были добры к нему, они, но не обитатели замка, башни которого уже маячили на горизонте. Странно, раньше они были гораздо выше...

Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак сделал круг над излучиной Риссы и начал снижаться. Избранник Древнего, он уже прошел испытания пламенем и кровью, он познал золото и власть, осталось лишь испытание памятью, и избранный станет единственным.

5

Семилетний Дьердь Риссаи, сдвинув брови, смотрел на восток. Так когда-то встречал Древнего его великий дед – об этом юному принцу рассказал Иштван Шукан. Тогда ему было всего на три года больше, чем Дьердю, но он стоял рядом с дедом и отцом и ждал горячего ветра.

– Дьерди! Дьерди, где ты?

Дядька Шукан! Ищет его. Мальчик стремительно скользнул за облупленную горгулью. Как тихо. Принц осторожно высунул голову из-за каменного чудища. Двор был пуст, это и понятно – еще утром всем велели спуститься в подвалы, они с мамой тоже спустились в подземную спальню, он прикинулся спящим и убежал. Он должен увидеть Древнего, если тот, конечно, прилетит, но это вряд ли. Отец и его воины собьют чудовище стрелами и зарубят мечами.

Когда алийский шар превратился в сгусток пламени, к которому невозможно было подойти ближе чем на шаг, отец отправил их с мамой, сестрами и маленьким Балинтом в Рисский замок и стал собирать армию. Дьердю ничего не объясняли, но он давно научился притворяться спящим, дожидаясь, когда его оставят одного. Что может быть проще, чем положить под одеяло скатанную одежду и вылезти в окно или сесть под дверь и слушать, о чем болтают нянька и стражники?

Сын и наследник короля Имре знал все. И про то, что заманский султан не смог остановить дышащее огнем чудовище, превратившее низовья Вахайды в выжженную пустыню, и про то, что Древний пересек границы Эгрии и отец выступил ему навстречу. Дьердь помнил, как уходили воины. Это были не первые проводы в его жизни, но на этот раз витязи не смеялись и не пели, и их провожало очень много монахов. Отец впервые не взял капитана Шукана, он велел ему позаботиться о них с мамой. Тот поклялся на клинке, а мама заплакала... Она теперь все время плачет, и это очень плохо.

– Дьерди! – Кажется, его ищет целый гарнизон. Нет, он не выйдет. Ой, что это! Заря?! Нет, Древний! Тридцать лет назад все было так же: пылающее небо, горячий ветер, клубы пыли. Дальше Пишта Шукан не видел, дед и отец его увели, значит, он, Дьерди Риссаи, будет первым, кто взглянет на чудовище.

Прижавшись к прохладной горгулье, сын короля Имре с замирающим сердцем следил за разгорающимся небосклоном. Вот в раскаленной печи мелькнуло что-то черное, и душу сжали безжалостные железные пальцы. Черная точка росла, обретая очертания крылатого создания. Больше всего Древний походил на птицу, огромную птицу с пламенными глазами

и черной грудью.

Древний приближался, он и вправду был страшен, так страшен, что Дьерди захотелось оказаться далеко-далеко от Рисского замка, но он был сыном своего отца и внуком своего деда. И потом, бежать было некуда – чудовище нависло над замком, бурые крылья заслоняли солнце, полыхающие багровым глаза вперились в крышу, в ту самую горгулью, за которой прятался Дьерди! Вот он, взгляд, от которого не скрыться! Ну почему он не послушал маму и Шукана...

Сам не соображая, что творит, Дьерди Риссаи отпрянул от горгульи, вскочил во весь рост и схватился за единственное бывшее при нем оружие – сработанную Иштваном Шуканом рогатку.

6

Осталось лишь испытание памятью, и избранный станет единственным. Память... Первое, что он помнит, – голод, голод и голод! Еда во рту, хорошая еда, но братья... Пять братьев, они получают больше. Они отбирают то, что принадлежит ему, Чи-чирру!

Почему другим все, а ему – ничего?... Даже не ничего, а пинки и колотушки... Он так не хочет! Вранье, что он вывелся из неправильного яйца! Оно было правильным! Крапчатым, а не голубым. И сам он был правильным, не хуже других. И пусть у него пятно на груди меньше, чем у Чир-чирра, зато форма лучше. И ничего он не трус, просто ему не нравится, когда его бьют! Что он мог сделать, когда маму схватила кошка? Ничего! Чурр-чиррик попытался и чуть не погиб, а маму все равно съели. Он не хочет, чтоб его ели. Он не хочет, чтоб ему было больно!

Почему на его бедную голову сыплются все напасти?! Рыжая кошка... Страшная кошка! Желтые глаза, четыре лапы с жуткими когтями, оскаленная пасть! Он едва вырвался, потеряв половину хвоста... Перья не отрастали, а Чива-чирра смеялась! Над ним все смеялись. Чир-чирра и Чив-рика не трогают ни кошки, ни мальчишки... Им хорошо, а Чурр-чиррик отобрал у него кусок хлеба и чуть не выклевал глаз... Хороший кусок, большой... Его бросили голубю, а он его унес. Это была его добыча, его, а не Чур-чиррика! Это несправедливо! Гадко! Подло!

Мальчишка на крыше, что он ему сделал?! Он просто присел отдохнуть, и все... Удар сбросил его на камни двора. Страшный удар в грудь. Эти рогатки, они еще хуже кошек! Он умирал... Нужно было лететь, спастись от Страшного. На него нацелились все кошки, все вороны, все мальчишки мира, а он не мог подняться... Чур-чиррик кричал, чтоб он летел. Дурак! У него было все разбито! Все изломано... а Страшный приближался. Этот взгляд... Он чуть не умер, но Тот, Кто Был Раньше, оценил его.

– Ты – велик, Чичирр, – сказал ОН. – Ты будешь сильным, непобедимым, вечным! Все будут трепетать пред тобой!

Его избрали из всех. Его, Чи-чирра, не Чур-чиррика, ни Чур-чирра, ни Чир-Чуррика. Древний понял, КТО перед ним! Понял! Понял! Понял!!! Все было плохо, а стало хорошо и правильно.

Это было прекрасно – вкус крови, рождение огня, осознание золота... Его зовут Чичирр, Могучий Чичирр, Непобедимый Чичирр. Неуязвимый Чичирр. Нет, коротко! Он великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак.

Станный привкус в горле, вырывающиеся из клюва язычки огня.... Сначала это было больно, но как прекрасно жечь! Его первой добычей стал воробей, похожий на Чурр-чиррика. Как он бил крыльями, когда у него загорелся хвост! Жалкий, ничтожный, смешной! Как великий Чичирр смеялся, когда наглец пытался взлететь! Он хотел обмануть судьбу? Он спорил с Великим? От Чичирра не уйти никому! Никому! Ни воронам, ни кошкам, ни мальчишкам!

Вкус кошачьей крови... Он и сейчас преследует его. Нет ничего прекрасней, чем рвать в клочки этих дряней. Рвать и жечь! Жечь и рвать! Но их трудно найти, паря в небесах.

Людей легче. Люди тоже виноваты перед Чичирром. Перед ним виноваты все! Все! Все! А больше всех те, кто живет в замке.

Как замечательно пахнут горящие дома! Как прекрасно, когда все трепещут. Он велик, наконец-то это поняли! Жаль, кошки не летают, их было бы легче жечь. Зато летают вороны! Стаями. Это хорошо, за один раз можно сжечь многих! Он сожжет всех, хотя нет! Если сжечь всех, кто будет его бояться? Нужно оставить на потом. Он не станет никому отдавать свою силу, он не будет одним из Тех, Кто Был Раньше. Он станет Тем, Кто Будет Всегда!

Он – Великий Чичирр-вен-Чиррак-вен-Чивваррак, последний и единственный! Он наследник Тех, Кто Был Раньше... Их золото принадлежит ему. Их сила принадлежит ему. Их кости тоже принадлежат ему. Этот мир принадлежит ему! Но...

Мальчишка на крыше, он сильнее... Он вернулся и снова убьет его... Больно, страшно... Почему ему так не везет?!

Прошлое вернулось. Вернулось, хоть ему обещали, что этому не бывать! Вот оно – острый шпиль колокольни, фигуры серых тварей на крышах и убийца! Убийца со своим проклятым оружием, нацеленным прямо в сердце! Тогда его застали врасплох, но сейчас он увернется! Увернется!

Великий Чичирр отпрянул от опасной крыши, пытаясь развернуться. Пережитый в юности ужас вернулся, приняв обличье мальчишки с рогаткой. Великий забыл и о своем величии, и о мести – гигантское тело рванулось в сторону и вниз. Только бы успеть, отвернуть, спрятаться от летящей смерти! Когда-то Чи-чиррик искал спасение на карнизе замковой колокольни, сейчас она его погубила. Она и память, превратившая Могучего и Неуязвимого в насмерть перепуганного воробья, каким тот когда-то был. Потеряв от страха голову, Великий Чичирр, нет, жалкий, маленький Чи-чиррик рванулся к спасительному карнизу и...

Мальчик с рогаткой и десятка три искавших его воинов в ужасе и недоумении смотрели, как черное огнедышащее чудовище, судорожно дергая крыльями, неуклюже шарахнулось в сторону колокольни и само насадило себя на острый, окованный медью шпиль. Усаженный зубами гигантский клюв раскрылся, из него вырвалась струя пламени, по счастью ударившая в глухую стену, факелом вспыхнул вековой тополь, в дупле которого годами гнездились воробьи.

Древний бился, как насаженный на булавку жук, сползая под собственной тяжестью все ниже и ниже, туда, где медь шпиля переходила в серый камень, теперь потоки огня вырывались уже не из пасти, а из чудовищных ран на брюхе и на спине. Огонь мстительно лизал гигантское тело, радуясь поднятому крыльями жаркому ветру, над замком стоял удушливый запах жженных перьев, когти монстра разрывали древнюю кладку. Пламя пожирало отчаянно вопящего Древнего, к небу тянулся черный дым, перекрытия колокольни трещали, из мощных стен вырывались и рушились вниз камни. Казавшееся несокрушимым сооружение дрожало и корчилось, раскачавшиеся колокола самочинно вели какую-то жуткую песню, а на украшенной серыми горгульями крыше сидящий воин прижимал к себе заходящегося в плаче темноволосого мальчишку, все еще сжимавшего в руках рогатку.

Позже свидетели гибели Древнего не раз просыпались в холодном поту, вспоминая прерывистые жуткие крики, струи багрового пламени, опаленные стены, судорожное биенье крыльев и огненные глаза чудовища, казалось, вместившие в себя всю злобу этого мира.

7

Минуло восемьсот двадцать лет, но старый замок над быстрой Риссой стоит и сейчас. Туристы любят фотографироваться на фоне мощных башен и поднятого моста. А вот старой каштановой рощи уже нет, на ее месте построено несколько очень неплохих гостиниц. Что поделать, времена меняются, и все меняется вместе с ними. Старое уступает место новому – людям нравится спать в тепле, ездить по хорошим дорогам, за несколько часов добираясь от

Карианы до Барна, зимой есть землянику, а летом – пить холодное пиво. Рисский замок уцелел лишь благодаря тому, что именно у его стен был убит последний гарийский дракон. Правда, некие умники, размахивая какой-то странного вида костью, утверждают, что это был не дракон, а гигантская ископаемая птица, другие, напротив, уверены, что у замка потерпел крушение неопознанный летающий объект, но туристы предпочитают дракона.

В округе найдется немного мест, где б не продавались изображения самого дракона, его победителя и великой битвы. С сумок, маек, плакатов, календарей, тарелочек, ковриков дышит огнем огромное черное чудовище, крылатое и чешуйчатое, коему лихо тычет в пасть копьем прекрасный рыцарь на белом коне – принц Дьердь Драконоборец. Есть и несколько повторяющих этот сюжет статуй; наиболее известная установлена во дворе самого замка, на ней очень любят сидеть воробьи.